

Пражский Голем: легенда и литературный герой

О каждом городе в прошлом были сложены легенды, ставшие неотъемлемой частью его образа. О Праге, «магической», «мистической», «королевской», таких легенд сложено бесчисленное множество. При этом в составлении пражской мифологии участвовали отнюдь не только чехи.

Следует учесть, что Прага долгое время была «городом 3-х народов» с большой еврейской общиной, жившей в значительной мере самостоятельной жизнью. Легенды о пражском гетто складывались как внутри самого гетто, так и среди чешского населения, а впоследствии легендой стало и само гетто.

Одной из легенд стала история о пражском Големе, глиняном слуге раввина, который стал одним из символов Праги - благодаря прежде всего роману «Голем» Густава Майринка, но отнюдь не только ему.

О возможности создания Голема, то есть созданного человеком монстра, у которого имеется нечто вроде души, но отсутствует свобода выбора и принятия решений, рассказывается в ряде религиозных иудаистских текстов, в первую очередь в каббалистической традиции. Упоминается слово «Голем» и в Ветхом завете (16-й стих 139-го Псалма) в значении «зародыш», «эмбрион», «нечто бесформенное», «необработанное» (еврейское слово Galal означает «точить, лепить»). Возможно, это также производное от слова gulgoleth - «череп» (слово, однокоренное со словом «Голгофа»).

Чешский исследователь О.Элиаш дает понятию «Голем» такое определение - «фигура человека или животного, как двухмерная, так и трехмерная, сделанная из любого плотного вещества, или же глиняная фигура человеческого образа, оживляемая мощью Слова в соответствии с традициями еврейской каббалистики».

В магических текстах более позднего периода (начиная с 12 века, когда в Вормсе вышла книга комментариев к Книге Бытия на иврите) големами стали называть особую группу

существ, которые способен сотворить - обычно силой черной магии - человек. Всего этих групп существ, способных служить человеку, 5 - оживленные мертвецы, "адские курицы" (создания из яиц), мандрагоры, гомункулы и големы, которые составляют "высший класс" подобных монстров. Големы могут быть созданы из любой нерастительной материи (глина, вода, кровь), для их создания необходимо следовать определенному магическому ритуалу, который доступно определить только ученому, морально чистому и незапятнанному человеку, т.е. раввину.

Не случайно поэтому в Средневековье появляется ряд еврейских городских легенд об ученых раввинах из разных городов, создавших големов. В 16-м веке создание голема приписывали польскому раввину из Хелма Элайе бен Иуде (Баал Шем). В это же время польским хасидом Юдеом Розенбергом была разработана технология создания големов.

Создание пражского Голема приписывается верховному раввину Праги Льву бен Бецалелю.

Это фигура историческая. Раввин Лев родился в 1512 году в Познани. По другим сведениям, это произошло в 1515, 1520 или 1525 году. В Праге он появился в 1573 году и вскоре стал верховным раввином. Это было время расцвета еврейского гетто, совпавшее со временем царствования императора Рудольфа Второго, о котором впоследствии было сложено множество легенд и которое само стало важным концептом "пражского текста". Умер 22 августа 1609 года, эта дата известна достоверно.

То, что раввин был уважаемым и мудрым человеком, не подлежит сомнению. Однако примечательно то, что ни во время его служения, ни после его смерти никаких легенд о Големе, связанных с его именем, сложено не было. В 1709 году фигура раввина Льва была мифологизирована его правнуком Нафтали Коэном, издавшим книгу о его чудесах. Однако в этой книге не было упоминания о Големе. В 1718 году вышла биография раввина Льва, там тоже нет ничего о Големе.

На протяжении 18-го века легенда о пражском Големе, однако, все-таки попала в еврейский фольклор по всей Германии, и оттуда - в один из сборников сказок и сказаний братьев Гримм. Однако по-прежнему возникновение Голема в Праге никак не было связано с фигурой Льва.

Первое упоминание о пражском Големе в связи с ним относится, как ни странно, только к 1841 г. И уже в сборнике "Пражские тайны" Сватека (1868 год) мы находим довольно подробный рассказ о пражском Големе, канонизированный окончательно в сознании чешского населения Праги с появлением в 1894 г. книги А.Ирасека "Старинные чешские сказания".

Существует несколько вариантов легенды о создании, служении и уничтожении пражского Голема, а также о бедах, которые он успел (или не успел) натворить. Наиболее подробно сама легенда рассказана в книге "Удивительные истории" ("Meisse punem"), изданной во Львове в 1910-1911 годах.

Канонический вариант легенды о Големе таков. Раввину Льву понадобилось зачем-то создать Голема. О причинах этого шага существует 3 версии - Голем был создан для помощи Льву по хозяйству (так пишет А.Ирасек), для проверки колдовского искусства (версия И.Карасека из Львовиц) и для защиты гетто от погромов (в большинстве вариантов, этой версии придерживается Х.Блох). Неясно также, в одиночку ли создавал раввин Голема или с помощниками.

Для соблюдения магического ритуала необходимо было дожидаться определенного положения звезд, после чего выждать 7 дней, найти подходящую глину и чтобы в создании участвовали 4 стихии и 4 темперамента. 1 стихию и 1 темперамент представляла сама глина, еще 3 - раввин (воздух, сангвиник) и 2 его помощника - Якоб Соссон и Ицхак Кац-Коэн.

Создание Голема происходило в час перед рассветом. Элиаш приводит точные временно-пространственные характеристики: Голем был создан в марте 1580 года, в 4 часа пополуночи, 20 день месяца адара 5340 года по еврейскому календарю. Впрочем, в других источниках и художественных текстах указываются и другие даты. Дата, указанная Элиашем, коррелирует с версией о том, что Голем был создан для защиты от погромов - в 1590-91 гг. ситуация в Праге действительно была беспокойной, но после 1592 г., встречи раввина Льва с императором на Граде, еврейское население получило защиту и покровительство от самого императора - и даже дополнительные льготы.

Происходило создание Голема в районах Хухле, Браник или Коширже, т.е. на берегу Влтавы, в границах современного города, но за пределами (хотя и неподалеку от ворот)

тогдашней Праги.

После вылепления тела Голема из глины Кац 7 раз обошел вокруг него против часовой стрелки и произнес магические слова. Затем то же самое, но в обратном направлении, проделал Соссон. С началом рассвета раввин Лев прочитал формулу из 2 стиха 7 главы книги Бытия, где говорится о сотворении человека и вложил в рот (или, по другой версии, прилепил на лоб) Голема табличку (камешек) с так называемым шемом, или shem-ha-m-forash (Имя Неназываемого или Тетраграмматон), то есть тайным именем Бога, которое нигде в св. Книгах не названо и которое можно только вычислить, обладая высокой мудростью, способным вдохнуть жизнь в мертвую материю.

Источники расходятся во мнении, сколько символов должен был в себе содержать шем - от 12-14 букв до 72 слов. Во всяком случае, в послесловии к книге Элиаша была предпринята серьезная попытка вычислить шем, опираясь на мнение о том, что он должен был состоять ровно из 72 слов.

После этого Голем ожил и в сопровождении своих создателей отправился в город и приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. Голем представлял собой уродливого мужчину плотного телосложения, ростом первоначально 150 см, на вид 30-летнего, очень сильного, но неповоротливого, с коричневым цветом кожи. Ему было дано имя Йозеф, или Йосиле. Силы Голема были очень велики, он управлялся со всей хозяйственной работой в доме раввина, помогал ему при богослужениях, и, если взять за основу сюжет с обороной от погромов - отпугнул всех посягателей на безопасность еврейского гетто.

Относительно конца существования Голема также существует две версии легенды. По одной из них, Голем взбунтовался против своего создателя. Этот же вариант присутствует во львовском издании, а также в большинстве художественных обработок легенды.

Каждый вечер Лев вынимал шем изо рта своего глиняного слуги, но однажды, в ночь на субботу, забыл это сделать, и Голем начал действовать не по приказам раввина, а по собственной инициативе. Именно этот момент и стал определяющим, центральным для легенды о Големе вообще и для ее трактовки в литературе.

Почему Голем вдруг взбунтовался, начал громить еврейский квартал и убивать его жителей ? По одной из версий, Голем якобы влюбился в дочь самого раввина Льва и начал мстить жителям гетто из-за своего неразделенного чувства (или препятствий, которые стали ему чинить люди) - подобная трактовка проникла в художественные тексты начала 1900-х годов, написанные по-немецки (пьесы Антонина Фенцла, Артура Голитшера, один из ранних романов Макса Брода, посвященный астроному Тихо де Браге). Также мотив несчастной любви Голема попал и в известный фильм "Голем" немецкого режиссера Пауля Вегенера, снятый по мотивам романа Густава Майринка.

Но основным вариантом причины "бунта" Голема, конечно, остается не несчастная любовь. Голем представляет собою воплощенную материю, бездуховную плоть, которая вышла из-под контроля человека, некие первобытные, мистические силы, разбуженные человеком на свою погибель. Именно такая трактовка образа Голема впоследствии стала центральной для разработки этой темы в художественных текстах.

Раввин Лев хотел утихомирить своего слугу, но это никак не удавалось. Голем продолжал расти и превратился в настоящего монстра, угрожавшего самому существованию гетто. Кое-как раввину удалось вынуть изо рта Голема шем, лишив глиняный колосс жизни. После чего, прочитав формулу, употреблявшуюся при создании монстра, в обратном порядке, Лев и его приближенные отнесли глиняное тело на чердак Староновой пражской синагоги, где сняли с тела штаны, завалили его богослужебными одеяниями и книгами и строжайше запретили кому бы то ни было туда входить. Якобы в конце 18-го века на чердак поднялся тогдашний пражский раввин Эзехиль Ландау, очень испугался того, что он там увидел, никому об этом не рассказал и подтвердил запрет раввина Льва, так что даже ученый львовский раввин Натансон, который очень хотел туда попасть, не смог этого сделать).

В 1920-м году известный пражский журналист Эгон Эрвин Киш предпринял экскурсию в поисках Голема на чердак Староновой синагоги, но не нашел там ничего, кроме старогохлама и голубей. Естественно, это уже не могло ничего изменить - миф о Големе прочно вошел в "пражскую мифологию" (к тому времени уже был опубликован и роман Майринка "Голем"). Объяснение же тому, куда исчез с чердака Голем, нашел сам Киш в одном из сборников легенд - якобы Голем был оживлен неким каменщиком, к которому случайно попал в руки шем, после чего вышел из-под контроля, убил 7 человек и был унесен белым голубем, спустившимся с неба. По другой версии, Голем был оживлен неким Абрахамом Хаимом для использования в злых целях. Однако в еврейском гетто началась чума, и, когда стали умирать дети самого Хаима, тот понял, что прогневал Бога, и счел за лучшее похоронить Голема в детском гробу в чумной могиле на Виселичном верхе (ныне - пражский район Грдлоржезы к востоку от

Жижкова).

В некоторых исследованиях, например у Х.Блоха, приводится и иной вариант уничтожения Голема - после того, как гетто было защищено от погромов, раввин Лев решил, что в нем больше нет нужды, вынул у него изо рта шем и положил тело на чердаке синагоги. При этом никакого «бунта» Голема не было.

Такова, в общих чертах, канва легенды, вошедшей в «первичную мифологическую систему». Теперь рассмотрим, какие же интерпретации получил образ Голема в художественной литературе.

Сразу же отметим, что легенда стала составной частью именно пражской мифологии, то есть как еврейской, так и немецкой, и чешской. Мотив Голема поэтому встречается одинаково часто как в литературе, написанной на чешском языке, так и в немецкоязычных текстах.

Первую группу таких текстов составляют сборники легенд, подвергшиеся художественной обработке. В них, в основном, поддерживается версия о том, что Голем был создан для помощи при богослужениях (чешские источники) или для защиты от погромов (еврейские источники). Уничтожен же был он из-за своего бунта. Эти тексты начали создаваться уже, как отмечалось, в 1860-х годах (традиция в чешской литературе заложена И.И.Коларом, И.Сватеком, А.Ирасеком) и затем создаются регулярно (И.Кошнарж, В.Томек, З.Цыбула), ибо Голем вошел в «пантеон» «магической Праги».

К ним примыкают и художественные тексты с мотивом Голема, написанные для детей и подростков, и фильмы с «големовской» тематикой, например сказочный фильм режиссера Иржи Брдечки о встрече двух големов (1968).

Таких текстов за все время существования легенды в «первичной мифологической системе» было создано множество. Примыкают к ним и известная пьеса для кабаре И.Восковца и Я.Вериха «Голем» (1932), на основе которой впоследствии был снят знаменитый фильм чешского режиссера Фрича «Императорский пекарь, пекарев император» (1952). Все подобные тексты характеризуются тем, что

следуют одному из «канонов» легенды о Големе, действие в них происходит в 1590-1610 гг., героями непременно являются император Рудольф, раввин Лев бен Бецалель и т.п.

Легенда о Големе вполне органично вписалась в пражскую «первичную мифологическую систему», т.к. сочетала в себе очень важные для пражской мифологии мотивы. Эта легенда и сам концепт Голема никогда не заняли бы в «пражском тексте» такого важного места, если бы эта легенда и этот образ не были переосмыслены. О Праге существует множество легенд, и все они важны в той или иной мере для формирования «первичной мифологической системы» - питательной среды для формирования «пражского текста» - но именно легенда о Големе отражает какую-то глубинную сущность Праги.

Переосмысление (вернее, новое осмысление) легенды о Големе было начато в начале 20-го века - и, можно сказать, продолжается до сих пор (в трудах современного чешского философа З.Нейбауэра, литературоведа Д.Годровой и др.). В художественных текстах же оно отразилось в знаменитом романе «Голем» Г.Майринка (1915) и романе «Ганимед» из цикла «Романы трех магов» чешского писателя И.Карасека из Львовиц (1921, кн. изд. 1925).

Можно отметить ряд структурных особенностей, сближающих эти 2 текста, один из которых написан на немецком языке, а другой - на чешском.

В центре сюжета романа Майринка - фигура героя, находящегося в состоянии деперсонализации, забывшего себя и свое прошлое. Это происходит после того, как он обменялся шляпами с неким таинственным посетителем (головной убор в еврейской традиции - неременный атрибут социальной и личной идентичности человека). Героя зовут - так же как и посетителя - Атанасиус Пернат. Кульминационным моментом романа является попадание героя в некую находящуюся в самом центре гетто комнату без дверей, с маленьким зарешеченным окном, в котором находятся вещи, принадлежавшие ранее Голему, те самые, которыми глиняный колосс был завален, по легенде, на чердаке синагоги - т.е. все, кроме брюк). Герой надевает одежду Голема и сам перевоплощается в Голема (во всяком случае, так его воспринимают жители гетто). Это происходит как раз в тот момент, когда в гетто по ночам начинают происходить страшные и необъяснимые события, связываемые жителями с возвращениями - 1 раз в каждые 33 года - знаменитого пражского Голема.

Сам легендарный Голем в качестве глиняного монстра среди героев романа Майринка отсутствует, его место занимает некий неясный ужас, ИДЕЯ Голема, в какой-то момент персонифицирующаяся в главном герое.

Трактовке идеи Голема в романе Майринка посвящен ряд исследований. Образ Голема исследователи соотносят с образом гетто и, шире, всей Праги. Так, по мнению ряда исследователей, Голем из романа Майринка есть персонификация «тоталитарного» начала в мире и в человеческой душе, «гетто» же, в котором появляется на свет Голем, устойчиво ассоциируется с лабиринтом - будь то лабиринт городских улиц или «потусторонний» лабиринт, в котором блуждает человеческая душа в поисках себя. Можно говорить о типологическом сходстве с «големовским циклом» произведений другого пражского писателя - Франца Кафки, в частности его романа «Процесс».

Голем становится персонификацией «темной души гетто». После своего создания и впоследствии уничтожения он появляется на улицах каждые 33 года, по ночам, и в ночь его появления в гетто происходят страшные события. Прибежищем Голема является комната без дверей, находящаяся в самом центре гетто. Таким образом, можно отметить изоморфизм: «душа гетто» - само гетто (лабиринты улиц и домов) - душа героя - Голем.

В то же время Голем является и двойником героя романа. Герой не знает, кто он на самом деле, мир, окружающий его, с одной стороны, реален, почти натуралистичен, с другой - призрачен и фантастичен. Множество фантастических деталей и ситуаций (сама легенда о Големе, герой в роли Голема, таинственная книга, которую незнакомец приносит герою, после чего тот теряет ощущение собственного «я», карты таро, лохмотья Голема, в которые одевается герой) присутствуют на фоне вполне реалистического описания жизни пражского еврейского квартала. Голем и гетто суть одно целое; не даром сами дома у Майринка антропоморфны. Душа же гетто - воплощение прежде всего темных и низких инстинктов. Тщетно герой ищет выхода из лабиринта - он теряет способность к самоидентификации, выясняется, что герой и Голем - одно и то же, причем если не в физическом, то совершенно точно - в духовном, «сверхреальном» плане.

Роман «Голем» Густава Майринка, хотя он и написан по-немецки, невозможно выбросить из контекста чешской литературы. Майринк оказал влияние на многих чешских писателей, в том числе и на Карела Чапека (идея искусственных людей - роботов - в драме «R.U.R»). Безусловно, был знаком с текстом

«Голема» и Иржи Карасек из Львовиц (1871-1951), чешский писатель - декадент и неоромантик, когда начинал работу над своим романом «Ганимед» (впервые увидел свет в 1921 году). Однако Карасеку удалось создать в своем произведении оригинальную трактовку образа Голема.

Действие романа Карасека, как и у Майринка, перенесено в современную писателю Прагу. В центре повествования находится фигура космополита Адриана Морриса, встречающего на пражском еврейском кладбище скульптора-еврея Йорна Моллера. Это происходит уже после реконструкции гетто, однако старая душа еврейского квартала, где был создан голем, по-прежнему жива. Моллер утверждает: «в сумеречные часы я еще могу найти потайные углы, где живет душа еврейского города, душа гетто...». Идея Моллера - по примеру раввина Льва создать Голема, но не в образе покорно-страшного глиняного слуги, а в образе прекрасного юноши-Ганимеда. Такой Голем, по замыслу Морриса, должен был стать неким сверхсуществом, исполненным духовности. В качестве модели для того, чтобы вылепить нового Голема, избран 18-летний юноша Радован. В тексте имеются множественные отсылки к големовским легендам: поиски «шема», зашифрованного раввином Львом, вычисление благоприятных дней по астрологическим таблицам и т.п. Наконец, окончив работу над Големом, Моллер внезапно умирает, а пробужденный к жизни Голем падает, разлетается на куски и хоронит под своей тяжестью свою «модель» - Радована.

Таким образом, в основе сюжета романа Карасека - попытка при помощи древней магии создать более совершенное, более светлое и чистое существо, чем человек, т.е. проблематика, скорее, не создания «слуги», робота, а проблема «евгеники» (напрашиваются параллели с фантастическими повестями М. Булгакова). Мастер у Карасека стремится создать не грубую плоть, а, скорее, воплощенный дух, т.е. в еще большей степени здесь акцентируется внимание на замещении творцом Голема собою Бога. Естественно, эти попытки завершаются трагедией, поскольку Голем - по крайней мере, в его переосмысленном понимании - не может служить добру, он является персонажем темным, силой, которую человеку не стоило бы будить.

Таким образом, несмотря на все различия между произведениями Майринка и Карасека можно отметить и множество сходных черт.

На предпосылках, полученных в результате анализа в том числе и художественных текстов, построена теория, объясняющая «смысл» идеи пражского Голема,

принадлежащая известному современному философу Зденеку Нейбауэру (р. 1942).

По Нейбауэру, Голем - образ некой субстанции, созданной человеком, которая становится опасной для ее создателя.

История о Големе - предостережение об опасности, указание на грешность попыток человека подменить собой Бога. Создание Голема - это мистический путь, на который вступает действительно чистый помыслами, мудрый человек, стремящийся очиститься от сковывающей его телесности бытия, передать эту телесность целиком своему творению (в романе Карасака, как мы могли заметить, эта же идея несколько переосмысливается, но суть - провал попытки духовного очищения через создание глиняного монстра - не меняется). Но это очень небезопасный путь - как для творца Голема, так и для всего человечества, моделью которого является гетто.

Об этом свидетельствует приводимая Нейбауэром легенда о сотворении Голема пророком Иеремией (присутствует в еврейских списках 13 в.), по которой пророк, сотворив Голема, написал на его глиняном лбу формулу-«шем» - JHWH ELOHIM EMETH, т.е. «Бог есть правда». Однако Голем вырвал у Иеремии нож и стер со своего лба одну из букв. Получилось - JHWH ELOHIM METH, то есть «Бог мертв». Создавая Голема, человек создает зло и отказывается тем самым от Бога.

Голем, по мнению Нейбауэра, это фрейдовское «оно», ужас города, и в то же время - синоним смертельно опасной силы, пробужденной к жизни человеком. Вот почему правомерны параллели между образом Голема (например, в романе Майринка) и изобретением ядерного оружия и других средств массового поражения, созданных гением ученых, однако способных привести к гибели всего живого на земле, а также между этим образом и идеей тоталитаризма, в котором люди превращаются в своего рода «големов» (ср. роман Е.Замятина «Мы», некоторые поздние произведения А. и Б.Стругацких, в которых прямо фигурируют големы как представители тоталитарной мощи, и т.п.)

В заключение хотелось бы привести слова Павла Грима, автора одного из новейших исследований по проблеме «пражского Голема»: «В зеркале легенды часто отражается больше, чем в зеркале истории, хотя легенда - это всего лишь обломок ускользающей действительности, поэтизированный человеческой фантазией поэтов и мечтателей».

